

ках переводных этот термин нередок, например, в приложении к епископу, есть он и в приложении к князю; так, по сообщению Срезневского, в хронике Малалы *τοπάρχης* переведено «князь местный». Далее в «Летописной» повести мы читаем: Дмитрий Донской «нача полци ставити и устраише их в одежду их местную, яко велиции ратници и воеводы ополчиша свои полкы» и т. д. (Новг. IV, стр. 78); «князь же исполчи свои полки великии, и вся его князи руския свои полци устроиша, и велиции его воеводы облачишася во одежды местныя» (Новг. IV, стр. 79). Такое применение термина нам кажется совершенно странным. Едва ли «одежды» нуждались в определении по областным признакам. То же впечатление странности эпитета, очевидно, испытывал и Срезневский, который отдельно привел вторую из наших цитат со специальным объяснением: «местный — праздничный». Это объяснение не поддержано у Срезневского никакими параллелями и является домыслом, попыткой осмыслить ничем неоправдываемое применение термина. По нашему мнению, автор «Летописной» повести заимствовал термин из переводной литературы и сначала употребил его в более или менее удачном применении: «воеводы местные», соответственно переводному: «князья местные». Слово, весьма книжное, ему так понравилось, что он стал им оперировать свободнее — появились и «одежды местные». Щегольство книжными, не русскими словами — вещь не редкая, судя по Галицкой летописи или Казанской истории, которые ввели в свое изложение лексику и фразеологию переводных статей компилятивного хронографа. Откуда же, однако, слово «местный» могло быть заимствовано «Летописною» повестью? В приложении к князьям Срезневский правильно отметил его в переводе хроники Малалы («князи местнии»), но не обратил внимания на то, что такое же выражение встречается и у пророка Даниила, видения которого соединены с Малалой в компилятивном хронографе: см. в начале 4-го видения, в рассказе о «златом теле» Навуходоносора — «местнии князи». Несмотря на то, что соответствующее место книги пророка Даниила (гл. 3, ст. 2 и 3) вне хронографа имеет, начиная с библии 1751 г., иное чтение, именно: «местоначальници», а не «местнии князи», это чтение, как позднее, не может свидетельствовать в пользу хронографа, ибо до половины XVIII в. во всех видах пророчеств Даниила, не исключая библии, читается одинаково: «местнии князи». Тем не менее мы настаиваем на предположении, что «Летописная» повесть пользовалась хронографом как для эпитета «местный», так и для образа Мамаева отчаяния, потому что естественнее всего русской и исторической повести пользоваться историческим же сборником, в котором термин «местный» является обычным (Малала, Даниил),